

«ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ» КАК ФАКТОР ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Кольский Север - достаточно цельно воспринимаемая территория, большинство населения которой, как известно, проживает в малых индустриальных городах. Города эти создавались преимущественно в советский период в процессе научно-промышленного освоения края. Урбанизация осуществлялась быстрыми темпами и почти исключительно за счет мигрантов, что в свое время определило и продолжает определять демографическую и этнокультурную ситуацию в регионе. В 1959 году в Мурманской области городское население составило 51 процент. К 1989 году эта цифра выросла до 92 процентов, в то время как в селе проживали 99 тысяч человек¹. По итогам переписи 2002 года, городское население составило 824 тысячи человек, сельское - 69 тыс.²

Согласно теории трехстадийности миграционного процесса, предложенной Л. Л. Рыбаковским, миграция включает 1) подготовительную стадию, или процесс формирования территориальной подвижности населения, 2) основную стадию - собственно переселение, и 3) заключительную стадию - «приживаемость» мигрантов на новом месте. На третьей стадии миграционного процесса происходит, с одной стороны, адаптация мигрантов к новым условиям, с другой стороны, приспособление самих условий к потребностям мигрантов (обустройство). Адаптация - это сложный социально-биологический процесс, который связан с приспособлением мигрантов к новым природно-климатическим условиям, к новому социальному окружению, к новому образу жизни и т.д., и который далеко не всегда протекает безболезненно. Период обустройства, в течение которого новоселы достигают уровня старожилов, занимает порой очень значительное время. Многие проблемы, с которыми сталкиваются переселенцы в этот период (обретение достойного жилья, трудоустройство, конфликты с коренным населением и т.п.), становятся источниками социальной напряженности³.

В связи с этим важна разработка социально-антропологических аспектов проблемы, связанной с адаптацией мигрантов к новому социальному, культурному, этническому окружению. Привлекательность либо отталкивающий потенциал территорий выбытия и прибытия в значительной мере зависят от межличностных взаимоотношений, наличия сообществ мигрантов-земляков, родственных и дружеских связей, исторических традиций, отражающих пре-

жний миграционный опыт этнической группы и т.п.⁴. В меньшей степени комфорт или, напротив, дискомфортность существования на новом месте определяются культурной символикой края, города. Локальная символика транслируется межпоколенно, создает традиции восприятия места и способов их выражения. Она является основой формирования локальной идентичности сообществ «северян», жителей Крайнего Севера и/или определенного города.

Одним из существенных факторов стабилизации населения на Севере является культурная адаптация, базирующаяся на признании места жительства «своим» как индивидами, так и группами, в частности, городскими сообществами. В настоящее время в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН (г. Апатиты) осуществляется комплексное исследование феномена локальной идентичности горожан Мурманской области и связанных с ним поведенческих практик, включающих миграционное поведение представителей различных социальных групп⁵. Уже имеющиеся результаты свидетельствуют о том, что далеко не все жители, которые экономически относительно благополучны, физически приспособлены к климатическим условиям (по их самооценке) и являются уроженцами Кольского Севера, ощущают «родство» с краем. Вместе с тем среди мигрантов в первом поколении, т.е. собственно переселенцев, немало тех, кто признает свою укорененность и не имеет миграционных намерений.

Для формирования локальной идентичности любого уровня принципиальное значение имеет историческая зрелость или же устойчивость политико-административных границ, определяемая давностью и длительностью существования этих границ. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона. Ее можно обнаружить в местном фольклоре, преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны и т.п.⁶

Материалом для исследования данного феномена являются устные и письменные высказывания жителей, полученные в ходе интервьюирования, опросов, спонтанных бесед. Ценный источник представляют также литературные произведения, краеведческие и экскурсионные тексты, документы частного происхождения и многое другое. По нашему мнению, существует устойчивая традиция репрезентации Севера в текстах разного рода, которая поддерживает групповое самосознание.

Локальная идентичность горожан Кольского Севера в большой степени детерминирована «образом Севера», который особенно устойчив благодаря тому, что по южной части Кольского полуострова проходит Полярный круг. Полуостровное положение Кольского края позволяет воспринимать его как территорию, относительно автономную и отчасти противопоставленную «материковой» России:

«Северный Полярный круг
Разделил планету.
Где-то там далекий юг,
Где все время лето.

Ну, а здесь зима и снег -
Наш холодный север...»⁷;

Разделены Полярным кругом
Увы, мы с некоторых пор,
Однако мысленно друг с другом
Ведем частенько разговор ...»⁸.

Известная отграниченность территории входит в образ края, определяя и априорное представление о нем, и первое впечатление, и самоощущение жителей. Один из информантов, приехавших на Север несколько лет назад, так передал свое состояние по приезду: «У меня было такое ощущение, если вы читали произведение... Там такой смысл был, что была стена какая-то огромная. Там люди нормально жили, но мир был такой крайний... У них было ощущение, что они живут в таком целостном мире, а на самом деле – это кусочек планеты Земля, и от того места уехать просто было нельзя, потому что едешь, едешь, а на дороге стоит знак, что дорога закрыта... Такое ощущение было, что я приехал на окраину мира, это и в воздухе чувствовалось» (И., 26 л.)⁹.

Символическая граница между севером и югом приобретает географическую определенность: «Интересно наблюдать различия между севером и югом. Я еду в апреле в отпуск, еду в конце апреля или в начале мая. У нас ещё тут снег, холодно у нас ещё, а как только, особенно если въезжаешь в Карелию, то всё <пауза>, настолько чувствуется разница, вроде бы одно время года – весна, май, а у нас ещё нет весны» (Л., ок. 50 л.).

Положение «на краю земли» придает Кольскому Северу особый статус и символическую значимость. Этот статус характерен для всех маргинальных и обособленных территорий и сопряжен со свойствами сакральности, фантастичности, инобытийности¹⁰. Такими смыслами наделяются, в первую очередь, природно-климатические, метеорологические и ландшафтные атрибуты Крайнего Севера. Среди них общие и наиболее частотные: полярный день и полярная ночь, холод, снега и вьюги, полярное сияние, «суровость» климата, горно-озерный ландшафт и т.д.

Именно для мигрировавшего населения «экстремальность» зональных условий оказывается тем атрибутом, который повышает его статус и отграничивает от живущих «на материке». Для представителей же автохтонного и старожильческого, преимущественно сельского, населения Севера: саамов, русских поморов, ижемских коми, — данная тема не актуальна, поскольку те же условия воспринимаются им как естественная среда жизнедеятельности. В частности, поморы Терского берега Белого моря даже не очень понимают вопрос, отличаются ли жители севера и юга¹¹, тогда как горожане безо всяких дополнительных вопросов, в спонтанной беседе легко развивают эту тему.

Для мигранта Север – это «другой мир», и переживание этого обстоятельства, как и необходимость противостояния экстремальным, с точки зрения уроженца прочих территорий, средовым условиям, создает специфическую

идентичность «нового северянина». Утверждая свое привыкание к Северу, информанты постоянно включают в свои высказывания некий диалог между жителями территорий: «Некоторые спрашивают об оленях и белых медведях, когда узнают, что это на севере. Они думают, что тут и цивилизации нет, что мы в юртах живем» (О., 19 л.); «Когда я к себе в деревню приезжаю и говорю маме, что у нас есть огород, где мы выращиваем картошку, и каждый год получаем неплохой урожай. Там мы выращиваем и другие овощи, когда я это говорю, то мама мне не верит <смеётся>. Там все думают, как это что-то может на севере расти. Они думают, что у нас всё голое» (Л., ок. 50 л.). Это может быть и диалог с самим собой в прошлом: «Я когда сюда в первый раз собирался ехать к жене в гости, то у меня было действительно такое представление, что здесь олени бегают по улицам, медведи тоже ходят» (И., 26 л.). Высказывания такого рода настолько устойчивы, что могут считаться частью локальной фольклорной традиции. Конструирование подобных диалогов является способом самопрезентации жителей севера, формой выражения локальной идентичности.

Судя по многочисленным высказываниям, клишированным литературным текстам, поэтической риторике, Север принимают и любят не столько «за что-то», сколько «вопреки чему-то», что неблагоприятно для человека:

«Север лютый людей не любит,
Теменью давит, морозом «лупит» ...
Но люди смело детей рожают.
Трудом свой край преображают»¹²;

«Я тут с детства ... Пусть мороз,
Кружит вьюга, снег и холод.
Я живу здесь, я здесь рос,
Я люблю свой дивный город»¹³

Северная заполярная экзотика демонстрирует «запредельные», неприемлемые для обычного человека свойства среды обитания, что чрезвычайно повышает статус самого северянина. Человек, просто выживший в экстремальных условиях, побывавший на грани жизни и смерти - это человек исключительный, но на порядок выше тот, кто выполнил роль «преобразователя» и «покорителя». Именно таким предстает образ северянина, борца и создателя-демиурга, мифологический по своей сути.

По массовому мнению, характер северного человека специфичен. Его типовое описание включает персоналогические и социальные характеристики: «Климат тоже оказывает влияние не только на внешность, но и каким-то образом формирует характер человека <пауза>, поэтому северный человек отличается силой, люди более смелые, выносливые, дружные, а так же какие-то сплочённые и это проявляется во многом. ... Люди в Ахтарске¹⁴ совсем другие, как мне кажется, там они как-то сами по себе, всё делают только для себя» (Е., 55 л.); «Северные люди, как мне кажется, более выносливые, пытаются быстрее приспособиться к жизни» (С., ок. 40 л.); «Люди на севере подвижные, энергичные, в основном пред-

приемчивые. Вот, правильно напрашивается сравнение с землепроходцами, которые были в США, когда они осваивали Запад» (В., 66 л.).

Противопоставление человека и северной природы создает еще один типовой риторический прием характеристики: «На Севере люди мягче, чем на юге. Видимо, Север делает людей мягче. Мы здесь видим мало солнца и тепла. И тепло, и добра, и идут от людей» (Л., ок. 60 л.). С другой стороны, употребителен прямой перенос природного атрибута на человека, например, в рассуждениях о «замороженности» северян. В последнем случае признак может надеяться как положительной оценочностью (указывает на спокойствие, сдержанность), так и негативной. В целом, идентичность жителя севера базируется на сумме свойств, которые, с одной стороны, концентрируются вокруг оппозиции «севера» и «юга», с другой стороны, ассоциированы с известной иномирностью, взглядом на себя извне или его имитацией. Типичен такой, например, атрибут внешнего облика: «А когда меня видят родственники, то они очень удивляются. Я и сама не думала, что я такая бледная, бледная до такой степени. Я не просто бледная, а даже с синевой. Они пугаются и говорят, что ты не заболела?» (Л., 50 л.).

Кризисность и недостаточность физического существования компенсируется повышенной «духовностью» Севера и его жителей. Это еще один устойчивый идентифицирующий признак, требующий специального рассмотрения. В целом же, «северный текст», несомненно, выполняет социально-интегрирующие функции, создавая коллективный образ северян как особого сообщества.

Примечания:

¹ Народы и культуры Баренцева региона. Тромсе, 1996. С.53.

² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003.

³ Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М., 1973. С.76-106.

⁴ Аарслайд-Тард А. Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социологические исследования, 2003, № 2. С.59-68; Бабышова И. М. Отношение местного населения к мигрантам // Социологические исследования, 2003, № 6; Юдина Т.О. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования, 2002, № 10.

⁵ Исследования по данному проекту выполняются при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 05-06-97503.

⁶ Кувенёва А.Е., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования, 2005, № 7.

⁷ Стихотворение мончегорской школьницы Е. Харчевниковой. Помешено в сб.: Страна Мончегория: Сборник стихов и песен о Мончегорске, составленный учащимися мончегорской средней школы № 3. Мончегорск, 2004. С.6.

⁸ Ковалевский В. Письмо дочери // Хибиниада. Поэтический сборник. / Сост. А. Бондарев. Апатиты, 2004. С.119.

⁹ Все цитируемые тексты находятся в архиве ЦГП КНЦ РАН, который включает аудио-, рукописный и компьютерный фонды биографических интервью. КФ-01. Данные информантов не приводятся по этическим мотивам.

¹⁰ Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. XVIII / Уч. зап. ТГУ, вып.664. С.30-45.

¹¹ Опрос на эту тему проводился сотрудниками Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН во время полевых исследований в селах Терского района Мурманской области в октябре 2004 г.

¹² Соловьева Т. Дарите людям добро. Апатиты, 2004. С.26.

¹³ Щеглов А. Дивный город // Хибиниада. С.181.

¹⁴ Имеется в виду Приморско-Ахтарск, город в Краснодарском крае.